

— Выходите, молодой господин, приехали в деревню Гадань.

Водитель Ван Чун слегка повернул голову, обращаясь к старшему молодому господину семьи Чжун, Чжун Маню, сидевшему на заднем сиденье.

Хоть он и называл его «молодым господином», в его голосе не было ни капли почтения — лишь неприкрытая насмешка и злорадство.

Глаза Чжун Маня были забинтованы. С бесстрастным лицом он нащупал дверцу и вышел из «Сантаны». Ноги коснулись мягкой земли, в нос ударил запах смеси почвы и зелени. Эти знакомые ощущения и ароматы мгновенно воскресили воспоминания о далёком детстве.

В детстве он бесчисленное количество раз бегал по этой дороге босиком.

Ван Чун тоже вышел из машины и принялся бесцеремонно разглядывать Чжун Маня. Мужчина был статным, с красивыми чертами лица — даже ослепнув, он оставался редкостным красавцем.

К тому же за годы работы водителем в корпорации Чжун Ван Чун не раз получал нагоняи от Чжун Маня. Как же сладостно было бы заполучить этого высокомерного человека, подмять под себя и растоптать его достоинство!

Он медленно приблизился к Чжун Маню и фамильярно проговорил:

— Молодой господин Чжун, старый господин Чжун скончался, всё наследство оставил младшему молодому господину. Семья вас выбросила, вы ослепли, у вас ничего не осталось, кроме нескольких деревенских развалюх, что завещала мать перед смертью. Подняться на ноги вам уже не светит. Уж лучше идите ко мне, я заберу вас в город, жизнь там будет в десятки раз лучше, чем в этой глуши.

Чжун Мань холодно ответил:

— Чем тратить время на пустые мечтания, лучше сходи подлечи голову, которую копытом отшибло.

— Ах ты... — Ван Чун, разозлившись, резко толкнул Чжун Маня. Тот ничего не видел, равновесие и так давалось с трудом, поэтому от толчка он повалился на землю. Было не больно — он упал в мягкое пшеничное поле, но, кажется, подвернул лодыжку.

— Падший феникс хуже курицы, а всё возомнил себя молодым господином! — Ван Чун расстегнул ремень и навалился на пытавшегося подняться Чжун Маня, придавливая его к земле. — Даже если я прямо здесь тебя разделаю, никто не поможет! Тебе в таком положении всё равно недолго осталось, так хоть доставь мне удовольствие!

Руки Чжун Мань были крепко зажаты, но он не выказал ни капли страха, лишь брезгливо поморщился. В его руке внезапно появилась серебряная игла, ловко проскользнувшая между пальцами. Он уже готов был вонзить её в голову Ван Чуна, как вдруг тот вскрикнул «ай!» и завалился на бок.

Чжун Мань замер: «??»

«Я ведь ещё даже не начал».

— Ой, ты чего творишь?!

Неподалёку раздался громкий крик, а следом Чжун Мань услышал «цокот», похожий на стук копыт и бег человека.

Ван Чун с разбитой камнем головой вскочил. Увидев мужчину, ведущего быка в их сторону, он схватился за лоб и рявкнул:

— Откуда ты взялся, деревенщина? Как смеешь мне мешать?

Парень с быком ответил:

— Ой-ёй... Ты средь бела дня у нашей деревни людей обижаешь и называешь это делом? Хочешь, я старосту позову, чтоб тебя в полицию сдали?

Ван Чун струхнул. Раздувать скандал он не смел, поэтому ткнул пальцем в сторону Чжун Маня:

— Считаю, тебе сегодня повезло. Но запомни: в глуши живут одни хамы, ты здесь один, без опоры — если и не сдохнешь с голоду, то с такой рожей тебя рано или поздно пристроят!

Парень, услышав это, возмутился:

— Ты, паршивец, чё за гадости несешь? Кто тут хамы? Не думай, что раз я неуч, так не пойму, что ты нас ругаешь!

С этими словами он стеганул обидчика прутом для скота по голени.

Ван Чун взвыл от боли. Он хотел было дать сдачи, но парень был рослым и крепким — тягаться с ним было бесполезно. Ругаясь на чем свет стоит, водитель запрыгнул в машину.

В этот момент Чжун Мань резко поднялся, просунул руку в окно машины и мертвой хваткой вцепился в предплечье Ван Чуна.

Ван Чун ухмыльнулся:

— Что, передумал? Захотел со мной поехать?

Чжун Мань холодно произнес:

— Я ещё не забрал свою сумку.

Лицо Ван Чуна дернулось. Он схватил с заднего сиденья сумку и швырнул её на землю:

— Вот и всё твоё барахло, посмотрим, сколько ты на нём протянешь!

Сказав это, он завел мотор и умчался прочь.

Чжун Мань присел, нащупывая на земле свою сумку, но его руку перехватили.

— Твоя сумка, — парень вложил её ему в руки.

— Спасибо, — ответил Чжун Мань.

— Не за что. Ой, а что с глазами-то? Ты куда путь держишь? Может, я тебя провожу?

Чжун Мань спросил:

— Скажите, пожалуйста, это деревня... Гадань?

С самого детства ему не очень нравилось произносить название этой деревни.

— Она самая, — подтвердил парень. — Ты к родне приехал или милостыню просить?

Чжун Мань: «...»

Если бы ему не нужна была помощь, он бы после слов о милостыне и разговаривать с ним не стал.

— Ни то, ни другое. Мой дом здесь. Дом Сун Фэньфэнь. Сможешь отвести меня туда?

Сун Фэньфэнь была покойной матерью Чжун Маня. Она выросла в деревне Гадань, и в детстве Чжун Мань несколько раз приезжал сюда с ней.

Позже семейный бизнес пошел в гору, времени на поездки не осталось. После смерти матери он и не думал возвращаться. И вот теперь мачеха и сводный брат вышвырнули его из семьи Чжун, насильно отправив назад.

Чжун Мань рассудил так: пока есть где голову приклонить — выживет, а рано или поздно он заставит мачеху и её сына заплатить за всё.

Парень в замешательстве переспросил:

— Сун Фэньфэнь?

Очевидно, это имя ему ничего не говорило. Молодежь редко знает имена старшего поколения, тем более его мать не была здесь много лет.

Чжун Мань подумал и добавил:

— Тот дом много лет назад сдали семье Тан Дэлуна.

Это Чжун Мань помнил отчетливо, в основном из-за того, что младший сын Тан Дэлуна оставил о себе неизгладимое впечатление. Только вот он не знал, живут ли они там до сих пор.

Парень хлопнул себя по бедру:

— Тан Дэлун? Ой, матушки, да это же мой батя!

Чжун Мань на мгновение замер от изумления и спросил:

— Ты... Эргоудань?!

Младший сын Тан Дэлуна.

Парень обиделся:

— Не зови меня так, у меня нормальное имя есть — Тан Кайци.

Тан Кайци пристально взгляделся в лицо Чжун Маня. Чем больше он смотрел, тем более знакомым оно ему казалось. Он спросил:

— Ты... не та ли самая Мими, с которой у меня в детстве помолвка была?

<http://bllate.org/book/18973/1864230>